

Новая итальянская Сибиряда

ИГОРЬ ШУРЕНКО,
журналист

Опера в Петербурге переживает пору консолидации с прицелом на недружественные поглощения, и в такую пору вдвойне приятно, что музыка живет где хочет, не только в театрах-монополистах.

На сцене Театра оперы и балета Петербургской консерватории прошла премьера оперы итальянского композитора Умберто Джордано «Сибирь». Постановка была подготовлена силами консерваторий Петербурга и Милана — собственно, именно профессору последней Марко Паче и пришла в голову идея возродить оперу. Ее премьера прошла в миланском Ла Скала в 1903 году. Тогда на главную партию композитор пригласил Федора Шаляпина, но тот приехать не смог. Постановку увидел Габриэль Форе, возглавлявший в тот период Парижскую оперу, и, впечатленный, перенес ее к себе, где она шла около 10 лет.

Русская тема 100 лет назад была очень модной в Европе, и тот же композитор Джордано, женатый, кстати, на русской, отдал ей должное. Современник Верди, Пуччини и Маскани, незадолго до «Сибири» он написал другую оперу, где действие также открывается в Петербурге. Его известная уже в России «Федора» — это история несчастной любви, где героиня — княгиня Федора умирает, поцеловав отравленный византийский крест. Кстати, на миланской премьере той оперы блистал молодой Карузо.

Лейтмотивом оперы проходит песня «Дубинушка», которая, правда, в итальянском исполнении из бунтарской становится сентиментально-мрачно-ватой. В массовых сценах из сибирской жизни звучат также украинские напевы в стиле чуть замедленной «Ты ж мене пидманула».

Впрочем, «Сибирь» — это не клюква о медведях и водке, а вполне себе заслуживающая внимания музыкальная драма, навеянная великой русской литературой, прежде всего Достоевским и Толстым

с его «Воскресеньем». Зритель может найти здесь многие музыкальные приемы веристов, свойственные такими произведениями, как «Тоска», «Богема» или даже «Паяцы», но в том, что касается сюжета, Россия есть Россия, и некоторая безысходность героев чувствуется с самого начала.

Джордано в своем творчестве был не чужд темы проституции — а кто из видных европейских, да и русских художников его эпохи ее обошел? Одной из своих самых главных работ композитор считал оперу Mala vita («Дурная жизнь»), где главный герой клянется перевоспитать проститутку, если сам излечится от туберкулеза.

Главная героиня «Сибири» жрица любви Стефана — не Катюша Маслова и никого не убивает. В живом и выразительном исполнении студентки миланской консерватории Элизы Бальбо куртизанка прекрасно чувствует себя в своей роли. Кстати, Бальбо обладает замечательным сопрано, так что это имя стоит взять на заметку. У Стефаны прекрасно получается вести двойную, если не тройную жизнь, играя то с князем, то с лейтенантом, то с сутенером Глебовым. Последний — фигура зловещая и комичная одновременно, он сошел скорее с подмостков итальянской комедии дель арте, нежели со страниц русских классиков. Шутки, прибаутки и анекдоты доводят и его до Сибири, где, впрочем, паяц не пропадет. В исполнении Деметрио Колачи злодей вполне симпатичен — хотя, конечно, периодически спохватывается и начинает строить козни.

Жестокий романс сюжета, конечно, лишь повод насладиться замечательной и неизвестной у нас партитурой, где есть все, что полагается: и бельканто с мелодичными песнями и эффектными ариями, и великолепные музыкальные ансамбли, и экзотические русские аккорды, и вполне традиционные гармонии. Стоит отметить солистов филармонии Михаила Трояна, Вадима Шанкина, а также прекрасный хор.

В 2014 году совместный проект будет представлен в Милане. Стоит надеяться, что сотрудничество двух консерваторий будет продолжено.

Для своих

«Дон Кихот» в Театре им. Ленсовета

ДМИТРИЙ ЦИЛИКИН,
театральный критик

Вряд ли этот спектакль стоит вывозить на гастроли — столько смыслов в нем укоренено в петербургском контексте. У Сергея Мигицко есть несколько больших ролей в кино, но любимцем публики, буквально культовым актером он стал именно в нашем городе, именно в Театре Ленсовета. Режиссер Александр Баргман это специально обыгрывает — через несколько сцен от начала он вставил в пьесу Михаила Булгакова хэппенинг: в первых рядах партера вскакивает пара зрителей (подсадка) и с возмущенными возгласами — мол, невозможно смотреть эту чушь, а еще народный артист России — удаляется из зала. Баргман сознательно и волево предлагает ленсоветовскому зрителю не то, к чему тот привык за десятилетия хождения в этот театр. Каковая привычка немедленно высмеивается: Мигицко — Дон Кихот и Александр Новиков — Санчо Панса выходят из образов, начинают извиняться: дескать, спектакль еще сырой, Мигицко берет гитару и затягивает: «Только как же я с вами расстанусь, добрый зритель в девятом ряду?»

Баргман играет с местными традициями, но еще и следует традиции Мейер-

хольда (даром что Булгаков его терпеть не мог) — ставит не пьесу, а мир автора. Он инкрустирует в текст «Дон Кихота» фрагмент «Театрального романа», стихотворение Булгакова на евангельские темы, описание смерти Михаила Афанасьевича из дневника его вдовы Елены Сергеевны. То есть герой спектакля — не только заглавный персонаж, но и сам писатель, и артист Мигицко, и любой художник вообще. Что ж, не поспоришь, ведь роман Сервантеса — один из главных мифообразующих текстов в мировой культуре, и его можно толковать сколь угодно расширительно. Любое творчество — донкихотство, ибо оно бесполезно, не имеет цели ни в чем, кроме себя, и необходимо, поскольку делает человека человеком. И любой сумас-

шедший — отчасти Дон Кихот, если считать безумие антитезой рациональному приземленному мещанскому существованию.

Мигицко безумца и играет. Художник Анвар Гумаров раскроил сцену по диагонали стенами старой петербургской квартиры, лепка его вдовы Елены Сергеевны треснул, рукомойник прибит (он, разумеется, станет шлемом странствующего рыцаря), колченогая мебель, ветошь — здесь обитает опустившийся бомжеватый старик, с ним его оруженосец, сюда приходит в дымину пьяная Альдонса (Анастасия Дюкова), но сквозь облик драной кошки наш идадьго провидит в ней прекрасную Дульсинею, ибо он — поэт. Следовательно, страдает тем, что Пастернак назвал высокой болезнью.

Само собой, присутствие поэзии в мире многим не нравится. Вот бакалавру Сансону Карраско (Илья Дель) оно просто физически непереносимо. Он буквально одержим желанием, сжигаем страстью вернуть синьора Кихано к плоской пресной нормальной действительности, то есть — уничтожить Дон Кихота.

...Ширятся круги ассоциаций — возможно, не запрограммированных режиссером, но, как в любом умно и сложно придуманном произведении, здесь есть простор зрительской

” В партере вскакивает пара зрителей и с возгласами «невозможно смотреть эту чушь» удаляется из зала.